

В этот миг слёзы едва не хлынули из глаз Ян Е. Поддавшись инерции собственного оружия, он отбросил меч в сторону. Его грудь осталась совершенно незащищённой — он лишь безмолвно ждал, когда чужое остриё вонзится в него. Однако противник внезапно перехватил клинок обратным хватом, убрал оружие в ножны, одним движением рывком поднял с земли раненого Хэ Цинчуня и грубо задвинул его себе за спину.

Ян Е поднял голову и ошеломлённо уставился на незнакомца. Это был тот самый человек, чей приглушённый приказ заставил гвардейцев Ичжэнь броситься на выручку.

Медленно разведя руки в стороны, Ян Е слабо улыбнулся:

— Вообще-то я хотел лишь припугнуть его, чтобы заставить тебя вмешаться. Он вёз тебя, раненого, из столицы вызвался, всю дорогу, должно быть, пылинки сдувал. Ради тебя я бы его пальцем не тронул.

Из-за плотной чёрной шёлковой вуали, спадавшей с полей бамбуковой шляпы-доули, Ян Е не мог разглядеть его лица. Но его взгляд жадно, с тоской скользил по этой высокой, стройной фигуре. Он помнил это тело — когда-то он сжимал его в объятиях, бережно ласкал, изучая дюйм за дюймом. Сейчас его возлюбленный сильно осунулся, но оставался всё таким же бесконечно близким.

Мужчина отступил на несколько шагов, храня молчание. Ян Е не смел отвести взгляд: в голове промелькнула безумная мысль — все гвардейцы Ичжэнь одеты одинаково и безмолвны, словно тени. Стоит позволить ему скрыться в этой толпе, и он потеряет его навсегда. Не успев додумать, повинаясь лишь вспыхнувшему внутри инстинкту, Ян Е рванулся вперёд. В критические мгновения силы человека удваиваются — его рывок оказался столь стремительным, что он в мгновение ока пересёк разделявшее их расстояние и отчаянно, невзирая ни на что, обхватил мужчину за талию.

Это был Лин Шу. Не ожидая такого напора, он покачнулся и попятился, тяжело ударившись поясницей о каменные перила позади. Из его груди вырвался глухой стон.

— Отпусти, — процедил он сквозь зубы, — иначе убью!

Ян Е лишь сильнее уткнулся лицом в его плечо. Сердце его переполняла безумная, щемящая радость. Он хрипло рассмеялся:

— Убивай, я только этого и жду. Я ждал тебя целый год.

В его голосе слышались слёзы. Ощувив, как оцепенело тело Лин Шу в его руках, Ян Е порывисто продолжил:

— Всё ещё злишься на меня? Из-за той стрелы? Рана затянулась? На самом деле та стрела... та

стрела... Ладно, пусть я её выпустил. Но ведь ты убил столько наших людей! Разве я не должен был выстрелить? Теперь ты можешь вернуть долг, я даже не шелохнусь!

Он попытался нащупать его ладонь, но Лин Шу резко вырвал руку и холодно бросил:

— Пусти!

Ян Е, разумеется, и не думал разжимать объятий, но внезапно почувствовал, как вокруг воцарилась зловещая, мёртвая тишина. На секунду замерев, он медленно повернул голову. Шагах в тридцати от них стоял Ян Тао, только что вышедший из купальни, и оцепенело смотрел на них.

Губы Ян Е тронула дерзкая улыбка. Он небрежно бросил императору:

— Прошу прощения, Ваше Величество, не сдержал чувств.

И вновь повернулся к Лин Шу, глядя на него с бесконечной нежностью:

— Столько времени от тебя не было вестей, я чуть с ума не сошёл. И зачем ты нацепил эту дурацкую вещь? Дай мне наконец на тебя посмотреть.

Одним резким движением он сорвал бамбуковую шляпу с его головы.

Лишившись укрытия, Лин Шу замер. В его широко распахнутых глазах плескались изумление и ярость, но по какой-то причине он так и не смог оттолкнуть Ян Е. Он лишь без конца повторял, точно в бреду:

— Отпусти меня... отпусти...

Окружающие, скованные присутствием Ян Тао, не знали, как поступить, и лишь молча наблюдали за этой сценой. Глядя на то, как эти двое прижимаются друг к другу, император то бледнел, то багровел от гнева. Его взгляд, полный ледяной ненависти, впился в Лин Шу. Сделав несколько стремительных шагов, Ян Тао подлетел к нему и яростно закричал:

— Что за непотребство?! А ну отпусти его! Неудивительно, что этот распутный дворянчик липнет к тебе без конца. Не знал, что ты настолько дешёвый и грязный! Что, так сладко нежиться в объятиях этого животного? Никак не оторвёшься?!

На его яростный крик тут же среагировали гвардейцы Ичжэнь. Несколько человек мгновенно окружили Ян Е, обнажив клинки. Однако тот даже не вздрогнул. Лишь холодно усмехнулся:

— Мы ведь договорились не обнажать оружие на этой горе. Неужели и впрямь посмеете пролить мою кровь?

Лин Шу скосил глаза на Ян Тао. Лицо его вмиг стало мертвенно-бледным, тело забила крупная дрожь.

— Пусти, — прошептал он, и в его голосе впервые прозвучала жалкая, умоляющая нота.

На губах Ян Е застыла упрямая, горькая улыбка. В глазах читалась глухая решимость:

— Не пущу!

Видя это, Ян Тао рассвирепел ещё больше и зловеще расхохотался:

— И это те благородные люди, которых привёл мой четвёртый брат?! Я искренне желал соблюсти наш уговор, но посмотрите, какие бесстыдства вы творите среди бела дня!

Не успело затихнуть это язвительное замечание, как плечо Ян Е крепко сжали. Подоспевший на шум Чжао-ван Ян Си схватил его за ворот одежды. За спиной принца испуганно жались Шестой принц Ян Ле и Бэйчэнь Цин.

— Сяо Лан, назад! — сурово скомандовал Ян Си.

Резким движением он рванул его на себя, пытаясь оторвать от Лин Шу. Ян Е не боялся ни бога, ни чёрта, но когда в дело вмешивался Чжао-ван, да ещё под присмотром Бэйчэнь Цина, перечить он не смел. Ему пришлось разжать пальцы. Ян Си и Бэйчэнь Цин подхватили его под руки и оттащили подальше, но Ян Е всё равно продолжал жадно ловить взглядом силуэт Лин Шу.

Стоило им разделиться, как гвардейцы Ичжэнь глухой стеной выросли между ними. Лин Шу, не проронив ни звука, отвернулся к каменной балюстраде и уставился на величественные зелёные склоны гор, словно всё произошедшее было лишь нелепой случайностью, не имеющей к нему никакого отношения.

Однако на этом всё не закончилось.

— На колени! — раздался резкий, властный окрик Ян Тао.

В голове Лин Шу царил полный хаос, но он смутно осознавал, что приказ обращён к нему. Повинуясь воле повелителя, он медленно опустился на колени у каменного парапета.

Ян Тао смотрел на его склонённую спину, но краем глаза замечал, как Ян Е всё ещё с надеждой и тоской тянется к поверженному мужчине. Эта картина лишь разжигала в груди императора дикую, удушливую ярость, требовавшую немедленного выхода. Заметив у одного из гвардейцев на поясе гибкую кожаную плётку, он процедил сквозь зубы, подозвав воина жестом:

— Иди сюда. Проучи этого бесстыдника как следует!

Офицер склонился в поклоне:

— Слушаюсь.

Сняв плётку с пояса, он с размаху обрушил её на спину Лин Шу. Гвардейцы Ичжэнь славились выдающимся боевым мастерством, и рука у палача была тяжёлой. Спустя всего несколько ударов тонкая ткань на спине Лин Шу разошлась лохмотьями, обнажая окровавленную плоть. Но он словно оцепенел. Боли он почти не чувствовал — лишь от резких порывов ветра и свиста плети терял равновесие. Чтобы не упасть, Лин Шу судорожно вцепился пальцами в каменные перила, силой выпрямляя спину, облегчая задачу тому, кто его истязал.

В свисте кожаного ремня и глухих ударах остальные застыли, точно испуганные цикады в мороз. Ян Тао не удостоил присутствующих даже взглядом. Он неотрывно смотрел на истязаемую спину Лин Шу и ронял ледяные слова:

— Лин Шу, ты рос под моим присмотром с самых малых лет. Я никогда не наказывал тебя без крайней нужды. Но знаешь ли ты, за что получаешь побои сегодня? За то, что потерял всякое самоуважение! Ты смеешь любезничать со всяким сбродом, пачкая своё имя! Все знают, чьей тенью ты являешься. Твой позор — это мой позор! Говори, посмеешь ли ты ещё раз пойти против моей воли?!

На спине Лин Шу проступили багровые полосы, одежда быстро пропитывалась кровью. Лицо его осунулось, волосы растрепались, по лбу катился холодный пот. Но он продолжал безмолвно сжимать перила, упрямо игнорируя вопросы. Видя, что тот безропотно принимает удары и даже не думает молить о пощаде, Ян Тао окончательно потерял рассудок от гнева. Он исступлённо закричал:

— Отвечай! Посмеешь ли?!

Лин Шу молчал. Он лишь медленно поднял глаза, сквозь резные каменные балясины вглядываясь в зияющую бездну ущелья, поросшего сочной зеленью. Найдись в его теле хоть капля сил, чтобы подняться, он, быть может, не задумываясь сделал бы шаг в эту пустоту. Но человеку, чья судьба отмечена проклятием Одинокой звезды Небесного Демона, с детства приносившему лишь смерть и несчастья близким, выжить и дожить до этого дня стоило огромных трудов. Мысль о смерти промелькнула и растаяла. Таков его удел. Закусив губу до крови, он решил терпеть. Вытерпеть и выжить во что бы то ни стало.

Его отказ молить об облегчении участи, упорное молчание и нежелание принять протянутую Ян Тао соломинку лишь сильнее распалили самодержца.

— Не смей останавливаться! — взревел император. — Забей его до смерти! Пусть я буду свергнут и буду владеть жалкое существование, но уж на гроб для этого предателя у меня денег хватит!

Наблюдавший за этой расправой Ян Е метался от бессилия и ярости, но Ян Си крепко удерживал его, силой развернув к себе спиной. Он зашептал ему прямо в ухо:

— Сяо Лан, очнись! Он наказывает собственного слугу. Ты не имеешь права вмешаться, пойми это наконец!

Ян Е замер, опустив голову. Сердце разрывалось от невыносимой муки. Всё было очевидно: Ян Тао устраивал эту экзекуцию исключительно ради него. Лин Шу принадлежал императорскому дому, и даже если бы правитель решил казнить его прямо здесь, Ян Е не смог бы проронить ни слова в его защиту. Не в силах больше выносить этого зрелища, он грубо оттолкнул Ян Си и бросился прочь, скрывшись в полумраке Бесстолпного храма.

В конце концов Хэ Цинчунь не выдержал и закрыл Лин Шу своим телом, приняв на себя очередной удар плети. От этой единственной затрешины старик с тихим стоном повалился на землю и больше не смог подняться. Ян Тао, воспользовавшись этим предложением, чтобы сохранить лицо, приказал прекратить экзекуцию. По его знаку один из рослых гвардейцев Ичжэнь взвалил на плечи потерявшего сознание Лин Шу и понёс его вниз по горной тропе.

Ян Тао и Чжао-ван Ян Си забрали свои экземпляры мирного договора и разошлись, так и не придя к согласию. Они условились лишь о том, что завтра пришлют своих чиновников в Храм Душистого Источника для обсуждения мелких деталей. Перед уходом Шестой принц Ян Ле нерешительно покосился на Ян Си. Тот, улучив момент, едва заметно кивнул брату, давая понять, что всё под контролем, и велел уходить без опаски.

Ян Е, не в силах сдерживать бушевавшие в душе чувства, выбежал на улицу и долго провожал взглядом удаляющуюся процессию. Зубы его сжались с такой силой, что едва не крошились.

«Раз уж ты истязаете его с такой жестокостью, зачем он тебе? Почему не выбросишь?! Отрекись от него, и я заберу его себе... пусть даже разбитого вдребезги!»

Спустя три дня в Чжучжоу прибыла княгиня У. Едва увидев Ян Си, она упала перед ним на колени, обливаясь горючими слезами:

— Прошу тебя, четвёртый деверь, восстанови справедливость! Помоги нам с супругом

воссоединиться, пока мы живы. Твоя невестка бьёт тебе челом в вечной благодарности!

С этими словами она отвесила глубокий поклон, коснувшись лбом пола.

Ян Е, который все эти дни ходил мрачнее тучи, при виде безутешно рыдающей женщины не почувствовал ни капли жалости — лишь глухое раздражение. Он не удержался от колкости:

— Невестка, раз уж этот никчёмный князь У так обходится с тобой, зачем тебе продолжать хлебать из одного котла с этим подлецом? Не лучше ли подыскать мужа достойнее? Наш Юньци, например, парень хоть куда...

Бэйчэнь Цин, стоявший позади, тут же зажал ему рот ладонью и бесцеремонно уволок в сторону.

Лицо княгини У густо покраснело. Она торопливо заговорила:

— О чём это вы, маркиз?! С древних времён браки заключаются по воле родителей и слову сватов. К тому же жена должна следовать за мужем. Мой супруг жив, разводного письма я от него не получала — как я могу помышлять о другом мужчине? Неужто мне стать посмешищем для всей Поднебесной? Да, мой супруг ещё молод и совершает безрассудства. Но разве среди отпрысков благородных семей империи Да Янь найдётся хоть один, кто не предавался бы разгулу? Я лишь покорно жду дня, когда он одумается и вернётся на истинный путь.

Договорив, она бросила быстрый взгляд на Ян Е.

«Уж кто бы говорил о безрассудстве. Сам ведь ведёшь себя куда хуже, а четвёртый деверь тебя почему-то до сих пор терпит»

Услышав столь благочестивые речи от добропорядочной женщины, Ян Е лишился дара речи и смог лишь изумлённо поцокать языком.

Ян Си, раздосадованный глупыми речами подопечного, наградил его увесистым подзатыльником, после чего повернулся к княгине У. На его лице тут же заиграла мягкая, приветливая улыбка:

— Полно тебе, невестка, поднимись. Мы ведь одна семья, к чему эти церемонии? Будь покойна, я отправлю маркиза Хуайнань сопровождать тебя в Цзиньлин. Тебе нужно лишь уговорить своего кузена, чтобы воевода Цзюнь во время нашей смуты сидел в Цзиньлине смирно и безучастно наблюдал за пожаром с другого берега реки. А я тем временем вызволю Шестого брата из города, чтобы вы наконец воссоединились.

Ян Е под чужим присмотром тайно отбыл на лодке в Цзиньлин, дабы встретиться со знаменитым, но доселе невиданным воеводой Цзюнем. Когда они скрылись из виду, Ян Си

повернулся к Бэйчэнь Цину:

— Сможем ли мы выкрасть Шестого брата из Чжучжоу? Я дал слово его супруге и не намерен нарушать обещание.

Бэйчэнь Цин нахмурился, взвешивая шансы, и покачал головой:

— Город окружён столь плотно, чтомышь не проскочит. Пробраться туда сейчас труднее, чем взойти на небеса.

Ян Си задумчиво подпёр подбородок рукой, мерно шагая по военному шатру. Спустя минуту он обернулся и негромко рассмеялся:

— Ну и ладно. В тот день в Храме Душистого Источника Шестой брат шепнул мне, что во время падения Лояна отказался оставаться в городе лишь потому, что до смерти боялся мести Сяо Лана. Но оказавшись в нынешнем положении, он уже проклял службу государю — уж больно тяготы и лишения ему не по нутру. Будь в крепости кто-то другой, я бы повременил с побегом: такой человек пригодился бы в качестве тайного союзника. Но этот лоботряс... С него станет лишь беды накликать. Если он не натворит глупостей и в конце концов целым и невредимым вернётся к жене, я буду благодарить небеса. Я уже велел ему сидеть тише воды ниже травы и терпеть.

Ян Си ненадолго умолк, после чего твёрдо приказал:

— Готовь войска. Как только Сяо Лан пришлёт весть из Цзиньлина, мы немедленно разорвём этот никчёмный мирный договор и начнём штурм. При осаде Чжучжоу мы должны уничтожить всех, кто представляет для нас угрозу. Пламя войны не должно распространяться дальше.

Пока Ян Си лелеял планы расторгнуть соглашение, Ян Тао на другом конце линии фронта всё ещё ломал голову над тем, как связаться с воеводой Цзюнем для переправы через реку. Он настойчиво требовал от Шестого принца Ян Ле отправиться вместе с генералом Линем в Цзиньлин. Однако тот упирался всеми силами, устраивая истерики и грозя самоубийством — казалось, встреча с родственником жены пугала его сильнее собственной кончины. С детских лет князь У отличался несносным и трусливым нравом, и Ян Тао прекрасно это знал. Казнить брата сейчас было бы верхом безумия, поэтому, скрепя сердце от досады, император предложил компромисс:

— Ладно, Шестой брат. Уж письмо-то ты написать в состоянии? Я велю доставить его адресату.

Ян Ле и сам безумно боялся, что венценосный брат в порыве гнева действительно лишит его головы, поэтому послушно нацарапал послание. В нём он умолял воеводу Цзюня как можно скорее прибыть в Чжучжоу и забрать Его Величество вместе с ним — непутёвым зятем.

Заполучив заветный свиток, Ян Тао задумчиво расхаживал по внутреннему дворику резиденции, соображая, кому поручить доставку. Случайно подняв глаза, он обнаружил, что стоит прямо перед покоем Лин Шу. У дверей застыли несколько гвардейцев Ичжэнь. Завидев государя, они почтительно склонились в глубоком поклоне.

<http://bllate.org/book/19546/1998850>